



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

О НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА КОНОНОВА ¹

Уже почти полвека Андрей Николаевич Кононов работает в востоковедении как ученый и педагог. Научная деятельность и теснейшим образом связанная с ней преподавательская работа А. Н. Кононова характеризуются тремя основными направлениями: исследование грамматического строя тюркских языков, текстологические изыскания, изучение истории отечественного востоковедения, главным образом тюркологии.

Освещение научной деятельности любого исследователя, в особенности крупного ученого, может быть осуществлено лишь в связи с пониманием тех процессов, которыми отмечено развитие избранной им области знания.

Русское востоковедение XIX в., по всеобщему признанию, имеет мировое значение. Достижения, которые унаследовала отечественная тюркология нашего века от предшествовавшего, велики и неоспоримы. Столетний период развития русской тюркологии — от «Грамматики татарского языка» Иосифа Гиганова (1801) до классических трудов П. М. Мелиоранского «Памятник в честь Кюль-Тегина» (1899) и «Араб-филолог о турецком языке» (1900) — был насыщен напряженными исследованиями в области изучения тюркских языков и литератур. Трудami А. М. Казембека, О. Н. Бётлингга, И. Н. Березина, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, В. Д. Смирнова и др. были заложены основы той научной тюркологии, которая, говоря без какого-либо преувеличения, определила собою пути совершенствования тюркологических знаний в XX в. во всей мировой науке. Начало нынешнего века ознаменовалось в тюркологии появлением таких выдающихся трудов, как «Опыт исследования урянхайского языка. . .» Н. Ф. Катанова (1903), заключающие тома «Образцов народной литературы тюркских племен» (1907) и «Вводные соображения к описанию морфологии тюркских языков» (1909) ² В. В. Радлова. Названные успехи отечественной тюркологии и образуют собою ту научную базу и тот фон, на которых возникла в нашей стране, уже в советское время, новейшая тюркология.

К концу XIX в. в связи с накоплением фактов и углублением исследований в русском востоковедении, в том числе и в тюркологии, отчетливо обозначился процесс дифференциации комплексного историко-филологического изучения культур Востока на отдельные дисциплины. Одно из главных мест в этом процессе заняло обособление собственно лингвистического изучения языка, которое противопоставлялось прежнему общепилологическому интересу к языку как средству проникновения в «языковые» культурные и исторические ценности. Этот процесс нельзя, естественно, рассматривать как разовую замену старого взгляда на язык новым подходом к нему как к объекту изучения закономерностей грамматического строя, его современного состояния и истории. Понятие о системности разнообразных явлений грамматического строя тюркских языков формируется на протяжении уже почти ста лет, претерпевая значительные трудности, определяющиеся как общеметодологическими неясностями этой проблемы в языковедении в целом, так и спецификой тюркских языков.

Можно утверждать поэтому, что тенденция к дифференциации тюркологии на отдельные отрасли, проявившаяся к концу XIX в., вплоть до 30-х гг. нашего века уравнивалась обратной тенденцией к сохранению комплексного характера тюркологии: для деятельности тюркологов, которые в советское время оказались старшим поколением (В. А. Гордлевский, С. Е. Малов, А. Н. Самойлович), характерно сочетание исследовательских интересов к разнообразным подразделениям тюркологии — языку, литературе, истории, текстологии, этнографии и т. д.

Однако Великая Октябрьская социалистическая революция остро поставила вопросы языкового строительства в национальных окраинах страны как самостоятельную лингвистическую проблему первостепенной политической и научной значимости. Необходимость выполнения этой задачи требовала создания грамматик тюркских языков и выдвинула целую плеяду талантливых тюркологов-лингвистов — Н. К. Дмитриева, Н. П. Дыренкову, А. П. Поцелуевского, А. К. Боровкова, И. А. Батманова, В. М. Насилова, Н. А. Баскакова, А. Н. Кононова, В. В. Решетова. Их трудами было осуществлено важное дело создания научных грамматик тюркских языков нашей страны.

В 30—40-х гг. появляются «Грамматика кумыкского языка» (1940) и «Грамматика башкирского языка» (1948) Н. К. Дмитриева, «Грамматика ойротского языка» (1940), «Грамматика шорского языка» (1941) и «Грамматика хакасского языка» (1948) Н. П. Дыренковой, «Грамматика киргизского языка» И. А. Батманова (1939—1940), «Грамматика уйгурского языка» В. М. Насилова (1940), «Ногайский язык и его диалекты» Н. А. Баскакова (1940), «Основы синтаксиса туркменского литературного языка» А. П. Поцелуевского (1943), «Узбекский язык» В. В. Решетова (1946). В этом ряду видное место занимает и «Грамматика узбекского языка» А. Н. Кононова (1948). Но работа в области

изучения грамматического строя тюркских языков началась для А. Н. Кононова значительно раньше: «Грамматика современного турецкого языка», написанная им в соавторстве с преподавателем Ленинградского восточного института Х. Джевдет-заде, вышла в свет в 1934 г. Именно этим годом датируется начало плодотворной деятельности А. Н. Кононова в сфере исследования тюркской грамматики, отмеченной такими его трудами, как «Грамматика турецкого языка» (1941), уже упоминавшаяся «Грамматика узбекского языка» (1948), «Грамматика современного турецкого литературного языка» (1956), «Грамматика современного узбекского литературного языка» (1960).

Тот тип описательной грамматики конкретных тюркских языков, который сложился в отечественной тюркологии в 30—40-х гг., возник на основе грамматических достижений русской тюркологии прошлого века, частично переосмысленных в свете языковых концепций младограмматиков. Грамматическими трудами тюркологов минувшего века, оказавшими наибольшее воздействие на позднейшую грамматическую традицию изучения тюркских языков, явились три капитальных исследования: «Общая грамматика турецко-татарского языка» А. М. Казембека (второе издание — 1846), «Über die Sprache der Jakuten» О. Н. Бётлингка (1851) и «Грамматика алтайского языка», составленная Н. И. Ильминским, В. И. Вербицким и архимандритом Макарием (1869).

Основными исходными положениями названных трудов, прослеживаемыми и в более поздних работах по грамматике тюркских языков, были убежденность их авторов не только в изначальном родстве тюркских языков, но и в глубоком сходстве грамматического строя этих языков в их наличном состоянии, понимание необходимости изучения своеобразия грамматической структуры тюркских языков и углубленное внимание к особенностям отдельных явлений грамматического строя вне четкого представления о системе грамматических фактов. Последняя часть приведенного определения не должна звучать укором классикам тюркского языкознания.

Тенденция к точному наблюдению фактов, осторожность в выводах, недоверие к широким гипотезам и стремление к исторической интерпретации отдельных явлений грамматического строя, возобладавшие в период утверждения младограмматических концепций, отражают определенный этап в развитии языкознания — этап «первоначального накопления» материала. Эти особенности научного метода характерны и для более поздних периодов развития тюркского языкознания и, что наиболее существенно в данном случае, для более развитого индоевропейского языкознания. В этом плане важно отметить, что и в наиболее интересных трудах по русской грамматике 30-х гг. нашего века, например в «Русском синтаксисе в научном освещении» А. М. Пешковского (последнее прижизненное издание — 1927), преобладают атомистические тенденции: В. В. Виноградов называл

А. М. Пешковского «тонким наблюдателем отдельных грамматических фактов».³

Как уже говорилось, собственно лингвистические изыскания не занимали значительного места в научной деятельности старшего поколения советских тюркологов. Грамматики, составленные ими, — «Краткая грамматика крымско-татарского языка» (1916) и «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка» (1925) А. Н. Самойловича и «Грамматика турецкого языка» В. А. Гордлевского (1928) — при всех их методических достоинствах не оказали большого влияния на последующие грамматические штудии в области тюркского языкознания. Поэтому можно с полным основанием сказать, что поколение советских тюркологов — авторов грамматик тюркских языков, вышедших в 30—40-х гг., — поколение, к которому принадлежал и А. Н. Кононов, наследовало главные свои общеграмматические принципы и методические установки не от «отцов», а от «дедов», т. е. от авторов упоминавшихся трех «китов» тюркской грамматики XIX в. и от младограмматических симпатий и устремлений В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского.

Решающая роль в этом принадлежит П. М. Мелиоранскому. В предисловии к своей «Краткой грамматике казак-киргизского языка» (1894—1897) (т. е. казахского по современной терминологии, — *С. И.*) П. М. Мелиоранский впервые в тюркологии четко формулирует положение о том, что при описании грамматического строя того или иного тюркского языка необходимо решительно пресекать влияние иноязычных грамматических схем и устранять из описания языка чуждые данному языку черты, привносимые в изложение фактов грамматики вследствие явного или скрытого приравнивания свойств изучаемого языка к особенностям индоевропейских языков. Отвечая Н. П. Остроумову — автору рецензии на первую часть «Краткой грамматики. . .» — в этой рецензии, по мнению П. М. Мелиоранского, «затронуты некоторые основные вопросы турецкой (т. е. тюркской, — *С. И.*) лингвистики вообще»,⁴ — П. М. Мелиоранский пишет: «. . .при изложении грамматики любого иностранного языка часто бывает весьма соблазнительно провести здесь и там параллель между родным языком и изучаемым; беды в проведении таких параллелей, по нашему мнению, нет, хотя при современном положении науки такие параллели между русским и киргизским языком лишены всякого научного значения. Ввиду этого нельзя видеть недостатка грамматики в отсутствии проведения таких параллелей; говорить о всем том, чего нет в киргизском языке, хотя бы сравнительно с русским, положительно лишнее».⁵ «Грамматические термины, принятые в большинстве грамматик различных индоевропейских языков, — пишет в другом месте [П. М. Мелиоранский, — оказываются лишь до известной степени пригодными при изложении грамматики любого из неиндоевропейских языков. . .».⁶

Анализ грамматических работ А. Н. Кононова в их развитии показывает постепенное углубление этих воспринятых им принципов интерпретации фактов тюркской грамматики.

«Грамматика современного турецкого языка», написанная А. Н. Кононовым в соавторстве с Х. Джевдет-заде (1934), представляет собой первый учебник турецкого языка на основе латинизированной графики, изданный после реформы алфавита в Турции. Учебные цели диктовали и построение книги: систематизированное изложение строя турецкого языка содержит лишь некоторые элементы самостоятельного теоретического освещения отдельных вопросов турецкой грамматики (см., например, оригинальное истолкование семантики прошедшего-настоящего времени, с. 131—133); структуре предложения отведено сравнительно скромное место.

«Грамматика турецкого языка», изданная в 1941 г., отмечена поисками оригинальной схемы описания грамматического строя турецкого языка, определившими в дальнейшем характерные черты грамматических исследований А. Н. Кононова в области тюркских языков. В особенности это сказалось на построении раздела синтаксиса и характере освещения вопросов, связанных со структурой турецкого предложения. В отличие от прежних грамматик турецкого языка (и некоторых других тюркских языков), в которых раздел синтаксиса строился как перечень турецких синтаксических конструкций, соответствующих тем или иным разновидностям русских предложений, синтаксис турецкого языка показан А. Н. Кононовым не как «экзотическое отклонение» от норм русского языка, а как своеобразный строй предложения, свойственный именно турецкому языку.

Те же принципы в более завершенном и развитом виде положены и в основу «Грамматики современного турецкого литературного языка» (1956). Этот труд явился наиболее полным описанием грамматического строя турецкого языка во всей тюркологической литературе. В данной работе, получившей высокую оценку как у нас в стране, так и за рубежом и удостоенной первой премии ЛГУ (1957), систематизирован огромный фактический материал, всегда строго документированный и в существенной его части впервые привлеченный для обобщения явлений морфологии и синтаксиса турецкого языка.

В этом труде А. Н. Кононова проявились лучшие стороны его научной деятельности: верность передовым традициям русского востоковедения, глубокое внимание к специфике объекта исследования и поистине всеобъемлющее знание тюркологической литературы. Нет ничего в творческом опыте предшественников, что не было бы учтено автором при освещении отдельных проблем турецкой грамматики. Вместе с тем эта работа представляет собой совершенно самостоятельное истолкование грамматического строя турецкого языка.

Одной из отличительных особенностей «Грамматики современного турецкого литературного языка» является пристальное внимание ее автора к морфологической характеристике частей речи. Этой своей стороной книга А. Н. Кононова полемически направлена против некоторых крайностей предшествующей традиции, одним из постулатов которой была недостаточная морфологическая определенность именных частей речи в тюркских языках. А. Н. Кононову удалось убедительно доказать, что кажущаяся недифференцированность турецких существительных и прилагательных, прилагательных и наречий при ближайшем рассмотрении и углубленном анализе оказывается мнимой: известное сходство непроизводных существительных с непроизводными прилагательными хотя и имеет место, но в контексте богатой системы словообразования, автономной для каждого из названных разрядов слов, и на фоне их специфических различий в сфере синтаксиса не может быть истолковано как нерасчлененность имени на существительные и прилагательные. Аналогично трактована и резкая грань, разделяющая имена прилагательные и наречия. А. Н. Кононов выступает против смещения морфологической и синтаксической точек зрения, против преувеличения синтаксических особенностей частей речи при суждении об их грамматических свойствах. Показ яркой морфологической определенности частей речи представляет собой принципиальную и последовательную концепцию А. Н. Кононова.

Сильную сторону раздела морфологии составляет насыщенность его этимологическими экскурсами в область истории отдельных словообразовательных и словоизменительных показателей. В этом проявился свойственный А. Н. Кононову исторический подход к объяснению грамматических явлений. Одну из особенностей научного метода А. Н. Кононова составляет его внимание к процессам, происходящим в языке. В этом плане заслуживает особого упоминания тот раздел работы, который посвящен прономинализации различных частей речи в турецком языке.

В «Грамматике современного турецкого литературного языка» чрезвычайно детально разработан раздел синтаксиса: по охвату и своеобразию истолкования синтаксического материала эта часть работы выгодно отличается от всех предшествующих грамматик турецкого языка. С особенной полнотой освещены вопросы, связанные с природой и структурой сложного предложения и так называемых развернутых членов предложения. Здесь подробно рассмотрен также и вопрос о бессоюзном подчинении. Эта проблема и в дальнейшем привлекала внимание А. Н. Кононова и в уточненном и детализированном виде послужила сюжетом нескольких работ.⁷

Большие заслуги принадлежат А. Н. Кононову в деле развития узбекского языкознания. В 1948 г. была опубликована созданная им «Грамматика узбекского языка», которая явилась первым полным описанием грамматического строя узбекского языка

и быстро завоевала популярность в Узбекистане как вузовский учебник. Как и в своих работах по турецкому языку, А. Н. Кононов в названной книге большое внимание уделяет синтаксису, строя предложения. Идеи и разработки, содержащиеся в данном труде (например, в разделе о сложном предложении), были восприняты авторами многих грамматических работ по тюркским языкам.

Грамматическая схема узбекского языка, очерченная в названном труде, развита и усовершенствована А. Н. Кононовым в «Грамматике современного узбекского литературного» языка (1960). Здесь обобщены многолетние разыскания ее автора в области тюркских языков вообще: отдельные явления узбекской грамматики и строй узбекского языка представлены в ней на широком общетюркологическом фоне и в связи с основной проблематикой тюркского языкознания в целом.

Из числа других грамматических исследований А. Н. Кононова должны быть отмечены интереснейшие статьи о прошедшем категорическом времени в тюркских языках и о деепричастии с показателем -п/-б, работы об узбекских послелогах и показателях собирательности-множественности в тюркских языках.⁸

Важное место в научной деятельности А. Н. Кононова занимают текстологические исследования. Работы этого плана продолжают традиции В. В. Радлова — «пионера тюркской текстологии»,⁹ Н. И. Ильминского, П. И. Демезона, С. Е. Малова, А. Н. Самойловича. В 1940 г. А. Н. Кононов начал работу по составлению сводного текста произведения великого узбекского поэта Алишера Навои «Махбуб-ул-кулуб» («Возлюбленный сердце»). Это произведение имеет очень большое значение для изучения творчества и общественно-политических взглядов Навои, для понимания характерных особенностей его эпохи. А. Н. Кононов использовал все доступные ему списки «Махбуб-ул-кулуб» и прежние издания этого сочинения. Опубликованный в 1948 г. сводный текст «Махбуб-ул-кулуб» явился серьезным вкладом в изучение литературного наследия Алишера Навои.

Результат многолетней работы А. Н. Кононова представляет собой изданная в 1958 г. книга «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского». Снабдив сводный текст этого сочинения, составленный по семи рукописям, переводом, обширными историко-филологическими комментариями и указателями, А. Н. Кононов предоставил в распоряжение историков Средней Азии источник первостепенного научного значения. Интересен также грамматический очерк языка этого сочинения, содержащий подробный анализ фонетических, морфологических и синтаксических особенностей этого памятника.

К этой группе трудов А. Н. Кононова примыкает и изданный им совместно с В. М. Жирмунским перевод В. В. Бартольда «Книги моего деда Коркута» (1962). Все работы текстологического характера, выполненные А. Н. Кононовым, отмечены строгостью филологического метода и точностью.

Значительным вкладом в советскую науку являются многочисленные работы А. Н. Кононова по истории советского востоковедения и тюркологии. В этой сфере своих научных интересов А. Н. Кононов — прямой продолжатель дела крупнейших советских востоковедов В. В. Бартольда и И. Ю. Крачковского. Ряд статей А. Н. Кононова по этой тематике был обобщен в фундаментальной книге «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (1972). В 1974 г. вышел в свет «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период», составленный при руководящем участии А. Н. Кононова (редактирование, введение, большое количество статей о наиболее крупных тюркологах).

За сорок пять лет педагогической деятельности А. Н. Кононов прочитал множество теоретических и специальных курсов по различным аспектам тюркского языкознания, вел семинарские занятия по древнетюркским памятникам и средневековым турецким текстам на восточном факультете ЛГУ. Среди теоретических курсов, оказавших большое влияние на подготовку специалистов-тюркологов на восточном факультете, следует назвать такие, как «Грамматика турецкого языка в научном освещении», «История турецкого языка», «Памятники древнетюркской письменности», «Введение в тюркское языкознание». Семинарские занятия А. Н. Кононова по чтению орхоно-енисейских памятников и старотурецких текстов всегда насыщены интереснейшими комментариями лингвистического и историко-филологического характера. Примечательной особенностью занятий А. Н. Кононова являются постоянные библиографические экскурсии, подробно освещающие литературу по общим и частным вопросам тюркологии. Многие ученики А. Н. Кононова плодотворно работают в научных учреждениях и вузах страны: в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Баку, Ашхабаде, Казани, Бухаре, Абакане и других городах.

А. Н. Кононов — ученый, исследовательская работа которого неразрывно связана с научно-организационной деятельностью: с 1949 по 1972 г. он руководил кафедрой тюркской филологии восточного факультета ЛГУ, в 1953—1954 гг. был деканом восточного факультета, в 1961—1963 гг. возглавлял Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. В настоящее время А. Н. Кононов является председателем Советского комитета тюркологов. Организованные по инициативе А. Н. Кононова и периодически продолжающиеся конференции тюркологов в Ленинграде (1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1973, 1975) превратились в представительные тюркологические симпозиумы, на которых обсуждаются наиболее важные проблемы тюркологии.

Говоря о научной деятельности А. Н. Кононова, нельзя не упомянуть многочисленные рецензии, написанные им и отличающиеся принципиальностью оценок, точностью и скрупулезностью анализа рецензируемых работ. Оппонентские выступления А. Н. Ко-

конова всегда привлекают к себе внимание глубокой обоснованностью суждений.

Большое место в научной деятельности А. Н. Кононова занимает редакторская работа. За последние двадцать лет многие труды по тюркологии выпущены при ближайшем участии А. Н. Кононова в качестве ответственного редактора.

А. Н. Кононову свойственно глубоко заинтересованное, пристрастное отношение ко всему, что делается в тюркологии. Пристальное внимание ко всем отраслям тюркологии и понимание задач дальнейшего движения науки в области изучения тюркских языков и тюркоязычных литератур лежат в основе печатных выступлений А. Н. Кононова по кардинальным вопросам развития тюркологических знаний и организационной работы в сфере тюркологии.¹⁰

А. Н. Кононов — признанный глава советской тюркологии, наследник и продолжатель лучших традиций отечественного востоковедения. Избрание А. Н. Кононова членом-корреспондентом (1958) и действительным членом (1974) Академии наук СССР явилось признанием его выдающихся заслуг перед советской наукой. За многолетнюю и успешную научно-педагогическую деятельность А. Н. Кононов награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов и орденом «Знак Почета».

Труды А. Н. Кононова широко известны и за пределами нашей страны. Он избран почетным членом Турецкого лингвистического общества (1957), почетным членом Научного общества востоковедов Венгерской Народной Республики (1970), почетным членом Академии наук Венгерской Народной Республики (1973), почетным членом Польского товарищества востоковедов (1974), почетным членом Королевского Азиатского общества (Лондон, 1974), членом-корреспондентом Общества финно-угроведения в Хельсинки (1974).

Необычайно целеустремленный и последовательный в своих научных исканиях, ученый большого научного кругозора, исключительного трудолюбия и поистине энциклопедической эрудиции в области тюркологии, А. Н. Кононов полон новых творческих замыслов. Внимательный к своим коллегам и неизменно доброжелательный, А. Н. Кононов относится с большим пониманием не только к близким его научному творчеству направлениям, но и к иным научным устремлениям. Все эти качества большого ученого и крупного организатора науки, принципиального и строгого в оценках, но благожелательно относящегося к окружающим человека снискали А. Н. Кононову в кругу тюркологов и в среде широкой научной общественности высокое уважение и непрерываемый авторитет. Многочисленные ученики и коллеги А. Н. Кононова желают ему в день его славного юбилея новых значительных свершений и дальнейшего столь же яркого служения науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Биографические сведения об А. Н. Кононове доступны по следующим публикациям: В е к и л о в А. П., И в а н о в С. Н. К шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. — ИАН. Сер. литературы и языка. Т. XXV, вып. 5. М., 1966, с. 454—455; В е к и л о в А. П., И в а н о в С. Н. Андрей Николаевич Кононов. — НДВШ. ФН. 1966, № 4, с. 190—191; Щ е р б а к А. М. Андрей Николаевич Кононов. (К шестидесятилетию со дня рождения). — НАА, 1966, № 5, с. 213—215; У з о в о в Х. Узбек тилшунослари. Тошкент, 1972, с. 43—48; см. также: БСЭ, т. 13, 1973, с. 34; МСЭ, т. 4. М., 1959, стб. 1145; КЛЭ, т. 3. М., 1966, стб. 705.

² Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkssprachen. — ЖС, 1909, т. II—III, S. 191—205.

³ В и н о г р а д о в В. В. Современный русский язык. I. М., 1938, с. 69.

⁴ М е л и о р а н с к и й П. М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II. СПб., 1897, с. VII.

⁵ Там же, с. IX—X (разрядка автора).

⁶ Там же, с. 35; см. также с. 45.

⁷ К о н о н о в А. Н. 1) Türkçede birleşik cümle problemi. — Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler. VIII, 1957. Ankara, 1960, s. 175—179; 2) Kitab-и Дедем Коркут (Грамматические заметки). — Изв. АН Азерб. ССР. Сер. общ. наук, 1965, № 4, с. 73—78; 3) О некоторых типах бессоюзного сложно-подчиненного предложения в турецком языке. СТ, 1971, № 4, с. 3—11; 4) Некоторые проблемы исторического синтаксиса тюркских языков. — В кн.: Восточная филология, III. Тбилиси, 1973, с. 166—174.

⁸ К о н о н о в А. Н. 1) Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. — ТС I. М.—Л., 1951, с. 112—119; 2) Опыт реконструкции тюркского дееспричастия на ^{-(o)}п, ^{-(o)}б, ^{-(j)}об, ^{-(o)}пан, ^{-(o)}бан, ^{-(o)}баны, ^{-(o)}баның (н). (Материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков). — ВЯ, 1965, № 5, с. 100—111; 3) Послелогии в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951; 4) Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Сравнительно-исторический этюд. Л., 1969.

⁹ К о н о н о в А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, с. 105.

¹⁰ См., например: К о н о н о в А. Н. 1) О некоторых вопросах дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР. — ВАН СССР, 1959, № 5, с. 140—141; 2) Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968; 3) Тюркское языкознание в СССР за пятьдесят лет. — СТ, 1972, № 6, с. 3—19; 4) Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи Советского комитета тюркологов. — СТ, 1974, № 2, с. 3—12.